

УДК 811.9

*О.Н. Шувалова, М.Ю. Сидорова***ВЫМЫШЛЕННЫЕ ЯЗЫКИ КАК ГЕНДЕРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ**

Анализируются два вымышленных языка, созданных женщинами-лингвистами для вымышленных феминистских миров. Феминистски ориентированные вымышленные языки рассматриваются как гендерные эксперименты. Характеризуется роль подобных проектов в современном переосмыслении гендера.

Ключевые слова: феминизм, гендер, вымышленные языки, Интернет, Эджин.

Гендер – одно из слов, которое по праву можно назвать ключевым для нашей эпохи – слово, служащее и ключом ко многим ее проблемам, в том числе коммуникационным, и триггером многих из этих проблем. Гендерные исследования в лингвистике, долгое время не выходящие за пределы подтвержденных или неподтвержденных гипотез и статистических изысканий в области различий между мужской и женской речью, в наши дни обнаруживают новую перспективу. Так, на то, чтобы стать объектом изучения, а, возможно, и сознательного воздействия лингвистов, начинает претендовать лексика, описывающая гендерную структуру современного общества. Ее развитие, совершенно очевидно, не отвечает потребностям общества и его отдельных членов. Динамика недавних нововведений впечатляет: изменение терминологии Международной классификации болезней десятого пересмотра в части, относящейся к особенностям формирования пола¹; асексистские тенденции словоупотребления в публичной речи, затрагивающие как грамматическую, так и лексическую систему языка; активизация разного рода общественных движений и групп, не вписывающихся в рамки традиционной гендерной дихотомии и предлагающих целую палитру самообозначений (см., напр.: URL: <http://www.congenid.org>). Язык, согласно законам его развития, не препятствует возникновению «излишеств», но функция лингвистов состоит в том, чтобы способствовать установлению оптимальных номинаций, в том числе в такой чувствительной и «взрывоопасной» сфере, как гендерная.

Гораздо разнообразнее, чем прежде, стали и лингвистические проявления феминизма. Важность языковой компоненты в феминизме общеизвестна [3; 9; 10; 11; 13; 16; 18; 22; 23]. Язык в нем трактуется как инструмент господства мужчины в реальном обществе и потенциального освобождения женщины. Крайнюю точку этого убеждения представляет высказывание известной феминистки Дэйл Спендер: «Мужчины, как доминирующая группа, сформировали язык, мышление и реальность». Вытеснение женщин на задний план социальной и политической жизни, по мысли феминисток, коррелирует с вытеснением их на задний план в языковых структурах (в частности, при использовании местоимений и лексем мужского рода для генерического обозначения людей). Лингвистическая «ущербность», или ущемленность, женщины не только констатируется феминистками в реальной жизни, но и моделируется в произведениях художественной литературы. Так, И. Кавальканти в статье с амбивалентным и труднопереводимым на русский язык названием «Utopias of/f Language in Contemporary Feminist Literary Dystopias» («(Без)языковые утопии в современных феминистских литературных дистопиях») [4] приводит целый ряд признаков, отличающих лингвистическую проблематику «мужской» и «женской» утопии, и перечисляет проявления «the silencing of women by men» в последней: от жестко регламентированных форм адресации и речевого этикета до буквального отрезания языков женщинам.

Интернет, функционирующий в современном обществе, не только как средство передачи информации, но и как коммуникативное пространство, создал предпосылки для пересмотра социальных ролей, доступных для мужчины и женщины. С одной стороны, гендерный дисбаланс реального мира переносится в мир виртуальный: многочисленные исследования демонстрируют различия между поведением женщин и мужчин в сетевой коммуникации, разное отношение к электронным образовательным ресурсам и т.п. [5-7; 12; 20; 21]. В то же время в Интернете женщины обрели новую среду, в которой они могут высказывать свои взгляды, реализовывать свои творческие стремления, организо-

¹ Классификация была одобрена Международной конференцией по Десятому пересмотру Международной классификации болезней в 1989 г. и принята Сорок третьей сессией Всемирной ассамблеи здравоохранения. URL: <http://medicine.onego.ru>

вывать сообщества, не ограниченные географически. Анонимность, быстрота передачи, общедоступность информации и другие свойства интернет-коммуникации способствуют тому, что в Мировой паутине прекрасно чувствуют себя разного рода субкультуры, в том числе феминистская. Для нее на просторах Всемирной сети открылись новые возможности проявления, связанные с самостоятельным литературным творчеством (фандом-культура создается, а фанфикшен-сообщества формируются именно женщинами [2; 14; 15; 17]) и с созданием вымышленных языков.

Предметом рассмотрения в настоящей статье служат феминистски ориентированные вымышленные языки (ВЯ). Они представляют собой лишь небольшую группу среди множества изобретаемых и демонстрируемых в Интернете *конлангов* (от англ. *constructed languages* – сконструированные языки). Но группу весьма показательную.

Известной фигурой в движении конлангеров является современная американская писательница, автор ряда фантастических романов, – Сюзетт Хаден Элджин (Suzette Haden Elgin). Она родилась в 1936 г. в штате Миссури, закончила университет Сан-Диего и защитила две докторских диссертации по лингвистике – по английскому языку и по языку навахо. До 1980 г. Элджин была профессором университета, в настоящее время – на пенсии, продолжает писать и заниматься общественной деятельностью. Для своей серии фантастических романов «Родной язык» («Native Tongue», 1984), сюжет которой разворачивается вокруг лингвоконструкторской деятельности группы женщин-лингвисток, Элджин создала феминистский язык Лаадан. Элджин является автором ряда лингвистических трудов, посвященных коммуникативному взаимодействию людей, в частности «вербальной самозащите», языкам научной фантастики и лингвоконструированию (URL: <http://www.sfw.org/members/elgin>). Эти работы наглядно демонстрируют, что феминистские убеждения автора определяют и угол зрения на научные проблемы, и особенности творческой деятельности – как литературной, так и лингвоконструкторской.

В работе «The Language Imperative» Элджин анализирует социолингвистические и собственно лингвистические проблемы, связанные с искусственными языками, а также поднимает вопрос о роли научной фантастики как полигона для лингвистических экспериментов. В качестве образца рассматривается фантастический роман Дж. Вэнса (Jack Vance) «Языки Пао» (роман существует и в русском переводе). В нем речь идет о государстве, которое формировало своих подданных для их будущей профессии еще в детстве, заставляя выучивать один из вариантов национального языка – специально «отредактированный» для той или иной сферы деятельности (военная, дипломатическая, торговая, творческая и т.п.). К такому положению паониты пришли не сразу, разные языки были искусственно разработаны и внедрены в силу необходимости. Когда-то в языке Пао не было глаголов, соответственно паониты мыслили категориями состояния, а не действия и не могли сопротивляться внешней агрессии. Теперь же будущие солдаты получили язык с четкой, «строевой» (в смысле «строевой подготовки») грамматической структурой и лексиконом, формировавшим мышление «защитника отечества»: слова *удовольствие* и *сопротивление*, *отдых* и *стыд*, *инопланетянин* и *враг* в этом языке синонимы. С другой стороны, для носителей разных языков Пао одно и то же слово или выражение стало означать разные понятия, например, значение выражения «человек, добившийся успеха» коренным образом различалось в языке солдат, торговцев, изобретателей и других категорий граждан Пао. Данная система долгое время эффективно функционировала. Конец государству, построенному на лингвистической относительности, пришел, когда группа заговорщиков тайно выучила несколько языков, позволивших им переосмыслить действительность и по-другому «управлять» ей. «Могли бы женщины с помощью лингвоконструирования достигнуть той же цели?» – вот какой вопрос интересует Элджин.

Более подробно возможности фантастической литературы как полигона для лингвистических экспериментов рассматриваются в книге Элджин «The Linguistics & Science Fiction Sampler» (1994). Язык, в духе феминистской лингвистики, понимается Элджин как механизм для решения проблем человечества, для изменения отношения людей к миру и друг другу. Однако большинство экспериментов, связанных с оказанием влияния на людей при помощи языка, не могут проводиться в реальном мире, прежде всего из этических соображений. На помощь приходит «мысленная лаборатория» научной фантастики. Как использовать ресурсы научной фантастики для языковых исследований? Можно моделировать ситуации, «do things with words» и наблюдать, что получится, каковы будут последствия. Например, с помощью введения в лексикон человека новой номинации можно изменить

фокус его внимания, как это происходит на страницах романа Элджин «Родной язык», когда один из персонажей учит другого новому слову – 'athad':

«When you look at another person, what do you see? Two arms, two legs, a face, an assortment of parts. Am I right? Now, there is a continuous surface of the body, a space that begins with the inside flesh of the fingers and continues over the palm of the hand and up the inner side of the arm to the bend of the elbow. Everyone has that surface; in fact, everyone has two of them.

I will name that the 'athad' of the person. Imagine the *athad*, please. See it clearly in your mind – perceive, here are my own two *athads*, the left one and the right one. And there are both of your *athads*, very nice ones.

Where there was no *athad* before, there will always be one now, because you will perceive the *athad* of every person you look at, as you perceive their nose and their hair. From now on... Now it exists.»

Этот процесс Элджин называет «позитивной сменой фокуса» (positive linguistic refocusing). Возможен обратный процесс – негативная смена фокуса (negative linguistic refocusing): «Возьмите нечто, что уже существует, и спрячьте, сделайте так, что трудно или невозможно будет обратить на это внимание, или подчеркните в объекте то, что не хотите прятать, и замаскируйте то, что хотите скрыть. Например, возьмем «firing employees» и назовем это действие «letting people go» (как будто мы даем им свободу, которой они жаждали) или «shedding employees» (словно это природный процесс, подобный падению листьев осенью, который компания не контролирует и за который не отвечает)». Оба эти процесса смены фокуса можно смоделировать в ВЯ фантастического произведения и пронаблюдать их последствия. Естественно, свой ВЯ феминистка Элджин стремилась обустроить так, чтобы и позитивная и негативная смена фокуса происходила в духе борьбы с «мужским шовинизмом». Цель лингвоконструкторского эксперимента Элджин состояла, прежде всего, в том, чтобы продемонстрировать возможность не только языка, лучше, чем современные западные языки отражающего интересы женщин, но и обслуживаемых и формируемых им общества и культуры. «I wrote the novel as a thought experiment with the express goal of testing four interrelated hypotheses: (1) that the weak form of the linguistic relativity hypothesis is true [that is, that human languages structure human perceptions in significant ways]; (2) that Goedel's Theorem applies to language, so that there are changes you could not introduce into a language without destroying it and languages you could not introduce into a culture without destroying it; (3) that change in language brings about social change, rather than the contrary; and (4) that if women were offered a women's language one of two things would happen – they would welcome and nurture it, or it would at minimum motivate them to replace it with a better women's language of their own construction» (<http://www.sfw.org/members/elgin/Laadana.html>).

Естественно, феминистская ориентация Лаадана проявляется прежде всего на уровнях, связанных с выражением значений (хотя тоновый характер языка тоже можно считать чертой «женской»). Конструкция языка должна была, по мысли Элджин, освободить женщин от ограничений, накладываемых на них «мужскими» естественными языками (разумеется, как ответственный ученый, Элджин оговаривает, что имеются в виду прежде всего английский и похожие на него языки). Первое из этих ограничений состоит в том, что «в этих языках не хватает слов для многих вещей, которые чрезвычайно важны для женщин: говорить об этих вещах приходится многословно и делать это не всегда удобно». Кроме того, эти языки лишены достаточных средств для передачи эмоциональных оттенков. В результате женщина все время вынуждена пояснять: «Я знаю, что я сказала *это*, но я имела в виду *другое*». Или защищаться от «агрессивных» или «обидных» мужских высказываний, которые на самом деле могут не являться таковыми. Эмоциональная обедненность вербальных средств в естественных языках приводит к типичному сценарию коммуникативного конфликта между мужчиной и женщиной: «Но я же только сказал(а), что...» - «Дело не в том, *что* ты сказал(а), а в том, *как* ты сказал(а) это!».

Для преодоления этих недостатков в структуру Лаадана введены три типа частиц. Во-первых, это особые частицы, указывающие на иллокутивную цель речевого акта. Иллокутивные частицы ставятся в начале предложения и указывают на следующие цели высказывания:

Bíi – утверждение (использование этой частицы необязательно);

Báa – вопрос;

Bó – команда (используется очень редко, обычно по отношению к маленьким детям);

Bóo – просьба (обычный способ выражения побуждения);

Bé – обещание;

Bée – предупреждение.

Вторую группу составляют частицы – показатели времени (прошедшего, настоящего и будущего плюс «гипотетическая» частица). Третью – частицы «эвиденциальные» (показатели достоверности). Они ставятся в конце предложения и выражают широкую гамму модусных смыслов:

Wa – информация, известная говорящему в результате его внутреннего или внешнего восприятия;

Wi – информация, известная говорящему как самоочевидная;

We – информация, известная говорящему как мечта или сон;

Wáa – информация, которую говорящий считает правдивой, поскольку доверяет источнику;

Waá – информация, которую говорящий считает ложной, поскольку не доверяет источнику (если подразумевается злонамеренность источника, частица имеет форму waálh);

wo – нечто воображаемое или выдуманное говорящим, гипотетическая информация;

wóo – указание на то, что у говорящего полностью отсутствует информация о достоверности сообщаемого.

Оснащенное всеми этими частицами предложение на языке Лаадан выглядит следующим образом.

Láadan	Буквальный перевод	Идиоматический перевод
bíi ril áya mahina wa	<i>statement present-tense beautiful/beautify flower observed-truth</i>	The flower is beautiful
báa eril mesháad with	<i>question past-tense plural-go/come woman</i>	Did the women go/come?
bíi ril lámála with ruleth wa	<i>statement present-tense stroke/caress woman cat-object observed-truth</i>	The woman strokes the cat
bóo wil di le neth	<i>request hypothetical speak/say I you-object</i>	I would like to speak with you, please.

Устройство слова в Лаадане, так же, как и устройство предложения, призвано помочь женщинам лучше выразить себя и быть понятыми. Лаадан – агглютинативный язык, обладающий большим количеством аффиксов, выражающих модусные смыслы, которые обычно в естественных языках передаются интонацией или невербальными средствами: неудовольствие, попытка, напрасная попытка и т.п. Также аффиксы Лаадана позволяют разграничивать тонкие оттенки посессивности: принадлежность естественная, юридическая, случайная, неизвестного происхождения. Аффиксы могут присоединяться не только к знаменательным словам, но и к вышеуказанным частицам – тогда их действие распространяется на все предложение. Модусные смыслы включаются и в структуру личного местоимения: вставка гласного *a* указывает на позитивное отношение к обозначаемым лицам («тот/те, кого любят»), а префикс *the-* отрицательное («тот/те, кого презирают»).

Нетрудно было ожидать, что Лаадан не станет таким массовым языком, как эльфийские языки Толкина или клингон из сериала «Star Trek», на которых говорят тысячи энтузиастов и на которые переводятся литературные произведения. Но сам факт, что женщины не заинтересовались предложенными возможностями, является, по мнению Элджин, показательным.

В русскоязычном Интернете (хотя он намного беднее конлангами, чем англоязычный) имеется весьма детальная разработка двух вымышленных языков, созданных для однополой женской цивилизации, в отличие от Лаадана, предназначенного для оптимизации общения между женщинами и мужчинами. Языки эналь и ларимин являются частью вымышленного мира «Утопия планеты Атэа» (URL: <http://laedel.chat.ru>), автор которого, физик-теоретик по роду занятий, выступает под псевдонимом *Ольга Лаэдэль*. «Утопия планеты Атэа» включает описание планеты и населяющей ее цивилизации бессмертных прекрасных лемле², произведения искусства Атэа (прозу, стихи, рисунки) и собственно языки, представленные и со стороны внешней лингвистики (история их образования, лингвокультурная характеристика и языковая ситуация на Атэа), и со стороны внутренней лингвистики (словарь и грамматика).

Во всех аспектах описания и устройства эналья и ларимина проявляются признаки, известные лингвистам как отличающие женскую психологию и женскую коммуникацию от мужской, в том чис-

² Более подробно см. в [1].

ле в Интернете³: некатегоричность, эмоциональность, объединительные тенденции, преобладание интуиции над рассудочностью и т.п.

Общая особенность эналя и ларимина (языка, по воле автора заменившего эналь в ходе разработки проекта), заключается в том, что они являются искусственными языками «в квадрате»: они сконструированы для вымышленного мира не как естественные языки его обитателей, а как всеобщие языки, совмещающие функции латыни (языка образованности) и эсперанто (международного вспомогательного языка). В то же время в качестве ключевого требования при создании этих языков постулируются красота и выразительность, а не логичность и простота, как следовало бы ожидать, а в качестве образцов текстов приводятся «переводы» литературных произведений с языка эналь на русский, в частности «Лепестки» – короткие, в несколько фраз, рассказы – лирические зарисовки. Помимо идеи красоты, в проекты эналя, и еще более – ларимина, заложены руководящие принципы всеобщности и интуитивности. «...Лексика языка ларимин, вернее вообще все его значащие элементы возникали из поиска и ведовского прочувствования ассоциаций между звуками и образами, по сути дела — рисования образов фонемами языка (некоторые из этих образов были взяты, с большей или меньшей адаптацией, из эналя и естественных языков). Некоторые из этих элементов совпали с уже придуманными в своё время для эналя, некоторые были найдены в естественных языках атэанской ойкумены, а многие созданы или найдены ведовским чутьём создательниц и первых знатоков языка ларимин», – так представляет автор историю возникновения ларимина. Принципы красоты, всеобщности и интуитивности, благодаря которым ларимин не только стал «языком книжной культуры», но и «звучал на балах у атэанских гетер», ожидаемы для «женского» языка.

Система ларимина также отражает культурные особенности цивилизации лемле и их биологическую однополость. Естественно, в ларимине отсутствует категория рода. Мало востребована система личных местоимений, можно сказать, что она практически отсутствует. Автор пишет: «Нередко различие и граница между “я” и “мы”, “ты” и “вы”, “она” и “они” может в речи лемле не делаться и не подразумеваться (что естественно для лемле, с их глубокой привязанностью и полным взаимочувствием между влюблёнными и близкими подругами)».

Для грамматики ларимина характерна взаимосвязь и взаимокомпенсация между уровнями языка. Ни одно грамматическое значение нет необходимости (хотя часто есть возможность) выражать дважды, дублировать его формальные показатели в пределах одного уровня или на разных уровнях. Так, в ларимине нет заглавных букв, так как имена собственные всегда опознаются по своим окончаниям, а граница между предложениями передается в произношении интонацией (причем однозначно – нисходящая интонация используется в ларимине только для обозначения конца предложения), а на письме специальным словом – показателем конца предложения.

Система языка имеет ситуативно-контекстный характер: обязательность или необязательность выражения той или иной категории и особенности ее выражения определяются ситуацией и контекстом речи. Ситуативно-контекстная обусловленность касается не только такой категории, как порядок слов в предложении, который устанавливается «в той последовательности, в какой приходят в голову говорящей/пишущей» мысли, но и грамматических категорий, которые по сути своей менее связаны с контекстом. Многие грамматические значения, можно выражать или не выражать в зависимости от того, придается ли им в этой ситуации важность, по мнению говорящей. Но в то же время

³ В работе [19] на основе анализа 2692 сообщений в дискуссионных группах в Интернете сделан вывод о противопоставленности по стилю коммуникации и языковым особенностям групп, где доминируют женщины, группам, где доминируют мужчины: женщины проявляют большую тенденцию к самораскрытию и смягчению напряжения, тогда как мужчины используют более обезличенный, фактографичный язык. Такой авторитетный специалист по интернет-коммуникации, как С. Херринг, посвятила доклад [8] доказательству двух положений: «...First, that women and men have recognizably different styles in posting to the Internet, contrary to the claim that CMC neutralizes distinctions of gender; and second, that women and men have different communicative ethics - that is, they value different kinds of online interactions as appropriate and desirable». Будучи добросовестным и осмотрительным исследователем, Херринг указывает, что под «разными стилями он-лайн коммуникации» мыслится не реальное коммуникативное поведение, обязательное для представителей каждого из полов, а узнаваемость стереотипа: «The male style is characterized by adversariality: put-downs, strong, often contentions assertions, lengthy and/or frequent postings, self-promotion, and sarcasm. <...> The female-gendered style, in contrast, has two aspects which typically co-occur: supportiveness and attentuation. 'Supportiveness' is characterized by expressions of appreciation, thanking, and community-building activities that make other participants feel accepted and welcome. 'Attenuation' includes hedging and expressing doubt, apologizing, asking questions, and contributing ideas in the form of suggestions» (Там же).

по желанию говорящей любое значение или любую синтаксическую связь, которые не вполне понятны из контекста, можно эксплицитировать с помощью специальных формальных средств: «Говорящие вольны выбирать, какие грамматические значения будут выражены в словах данного высказывания, а какие не важны или самоочевидны в данном контексте, и их можно не выражать. Этот выбор свободен в тех пределах, в которых обеспечивается понимание сказанного и нужная говорящим точность высказываний... Например, хотя категория времени характерна прежде всего для глаголов и вербоидов, но, если нужно, время может быть выражено и для прилагательных, и даже для существительных (те же морфемы, что выступали временными суффиксами глаголов, оказавшись суффиксами в прилагательном, укажут на время, когда имел место выраженный прилагательным признак, а в существительном укажут время, когда названная вещь была такой вещью, какую обозначает основа этого существительного)».

Словообразовательный уровень строится на основе идей тотальной конверсии и «сочетаемости всего со всем». Во-первых, любое лексическое значение может подвергаться конверсии в каждую из основных частей речи: «...Можно сказать, что в ларимин общие понятия, выражаемые морфемами или основами слов, в некотором смысле «склоняются» по частям речи, образуя то название явления или предмета, то название действия, которым проявляется суть этого понятия, то название основного признака этого понятия, то (иногда и) название логического отношения, сутью которого это понятие является. Например:

liahne – 'любовь'

liahni – 'люблю, любит'

liahna – 'любовная'

liahnu – 'любовно'».

Идея сочетаемости «всего со всем» реализуется следующим образом: «Общий принцип словообразования и словоизменения в ларимин – что угодно сочетается с чем угодно, если получающееся сочетание имеет смысл».

Бросается в глаза богатство модусного плана языка. В ларимине привлекает и разнообразие модусных смыслов, их тонких нюансов, и широкая гамма средств их выражения как в слове, так и в предложении (атрибутивы высказываний, наклонение глаголов и др.). Остановимся подробнее на такой части речи, как атрибутивы высказывания. По мысли автора, они «выражают отношение говорящей к своему высказыванию, состояние говорящей»: «Они могут быть отождествлены с междометиями, выражающими эмоции, со знаками пунктуации вроде вопросительного, восклицательного и т.п. знаков, или с вводными словами. Кроме того, выражение эмоций и состояния говорящей посредством интонации или знаков препинания в земных языках обычно требует перевода с употреблением атрибутива высказывания. Одних лишь интонаций как средства выражения эмоций для лемле бывает мало...» Пример фразы с атрибутивом: *amallonau palalte rimi*. Атрибутив *amallonau* выражает отношение сожаления, грусти, вызванной тем, что сообщается в высказывании. Предлагаемые автором варианты перевода на русский язык: *Дождь идёт* (произносится с грустной интонацией); *Увы, дождь идёт*; *Дождь идёт :-/*

Другие примеры атрибутивов (формулировки автора ВЯ):

ossaulpau – выражает очень лёгкий оттенок вопросительности;

lohettaintau – 'да' со значением твёрдого согласия;

lohettarbau – 'да' со значением горячего, страстного даже согласия;

jelmaulau – выражает лёгкий оттенок эротической неги и т.п.

Также много в ларимине средств для уточнения и изменения оттенков признаков, что тоже культурно и гендерно обусловлено для цивилизации лемле.

Весьма показателен и набор лексем, которые предьявляет автор в качестве первоначального словаря: наряду с дейктическими словами, в него входят именованья частей тела, типично женских чувств и позитивных качеств, драгоценных камней и металлов, цветов и насекомых, природных и небесных объектов, цветообозначения, эротическая лексика, глаголы речи и выражения эмоций. Вот начало словаря и его фрагмент на букву L:

aca задняя ace сторона, пространство за, позади, сзади acie находиться за, позади, сзади acuh за (<i>чем-то</i>), позади, сзади (<i>чего-то</i>) accarilinde пятка accarolinde икра, задняя сторона голени acla боковая aclaromele бок туловища acla боковая acluh сбоку (<i>чего-то</i>) acna левая acne лево, левая сторона acnuh слева acra правая acre право, правая сторона acruh справа adela очаровательная adele очарование, шарм adelie очаровывать adelu очаровательно aela безмятежно-спокойно счастливая aele безмятежно-спокойное счастье aexau ах! (<i>выражение лёгкого прочувствованного вздоха, порыва очарованного восхищения и т.п.</i>).	laede атэанский цветок, напоминающий кувшинку или лотос laema свободная laeme свобода laemie быть свободной, освобождать laemu свободно lada чистая lalina прекрасная lana хорошая lane благо, нечто хорошее lanu хорошо lanarane стрекоза lanwa красивая lanwe красота lanwie украшать; быть красивой lanwu красиво larime язык larimie изъясняться (<i>на некотором языке</i>), говорить/владеть (<i>некоторым языком</i>) larme речь larmie говорить larmaasfe шёпот larmaasfie шептать larmomle разговор, беседа larmomlie разговаривать, беседовать
---	---

Наконец, гендерный характер проекта Ольги Лаэдель проявляется в языке грамматики. Так, при изложении грамматики вместо традиционного термина «говорящий», используется, естественно, обозначение «говорящая», например: «Довольно-таки экзотично выглядит так называемый пустой атрибутив высказывания – *ai*, который может служить для явного обозначения границ между предложениями. Востребован он бывает редко, но в тех случаях, когда *говорящая* не уверена, что конец предложения обозначен достаточно отчётливо интонацией и паузой, слово *ai* может быть поставлено после последнего в предложении слова для совсем уж явного обозначения конца предложения». Перевод примеров с глаголами в прошедшем времени единственном числе на русский язык также выполняется в женском роде. Словарь ларимина предваряется следующим пояснением: «...Русский перевод прилагательных и причастий в этом словаре дан в форме женского рода. Это представляется более адекватным менталитету говорящих на ларимин лемле, чем принятый в словарях мужской род». Разумеется, для конланга, описание которого дается не на русском, а на английском или любом другом языке, где в адъективных словах не выражена категория рода, данное противопоставление было бы нерелевантно, и конлангер не смог бы воспользоваться им для «остранения» своего ВЯ. Примеры слов, словосочетаний и предложений, приводимые в грамматике, тоже в полной мере отражают однополоую культуру лемле.

Сама манера изложения грамматических особенностей ларимина – свободный рассказ с эксплицированным присутствием автора: «Атрибутивы высказывания также широко применяются для выражения наклонений глаголов. Об этом *я расскажу* позже — там, где речь пойдёт о наклонениях». Автор использует вводные слова типа *кстати*, *заметим*, интимизирующие текст, обращается к адресату напрямую. Это не недостаток грамматики (автор прекрасно владеет научным стилем речи), а ее соответствие культуре вымышленного народа, язык которого описывается.

Итак, можно утверждать, что конланги, или ВЯ, иначе именуемые «языками-моделями» среди прочих своих моделирующих свойств обладают способностью моделировать

а) ситуацию, в которой (перефразируя приведенное в начале статьи высказывание Д. Спендер «женщины **как доминирующая группа** сформировали язык, мышление и реальность»), б) ситуацию, в которой женщины **как единственный гендер** формируют язык, мышление и тем самым реальность. Подобные проекты, наряду с гендерно окрашенным фанфикшен-движением в Интернете, демонстрируют, что интерес женщин к собственной «лингвистической реабилитации» проявляется не

только в форме общественных выступлений, научных исследований (феминистская лингвистика, феминистский перевод, феминистская литературная критика) и литературного творчества, но и в форме виртуального моделирования. Как и другие проекты ВЯ с сильной лингвокультурологической составляющей, размещенные в Мировой сети, они скорее, создают предпосылки для мультикультурности (и мультязычности), в том числе гендерной, чем «нивелируют барьеры» между женскими и мужскими ценностями, образом жизни, языком и культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М., 2006.
2. Bacon-Smith C. *Enterprising Women: Television Fandom and the Creation of a Popular Myth*. Philadelphia, 1992.
3. Cameron D. *Feminism and Linguistic Theory*. London, 1992.
4. Cavalcanti Ildney *Utopias of/f Language in Contemporary Feminist Literary Dystopias // Utopian Studies*. Spring, 2000.
5. Frissen V. *Trapped in Electronic Cages?: Gender and New Information Technologies in the Public and Private Domain: an Overview of Research // Media, Culture and Society*. 1992. Vol. 14. P. 31-49.
6. Greenbaum J. *The Head and the Heart: using Gender Analysis to Study the Social Construction of Computer Systems // Computers & Society*. 1990. Vol. 20, n.2. P. 9-17.
7. Halberstam J. *Automating Gender: Postmodern Feminism in the Age of the Intelligent Machine // Feminist Studies*. 1991. Vol. 17, n.3. P. 439-459.
8. Herring S. *Gender differences in computer-mediated communication: bringing familiar baggage to the new frontier*. URL: <http://www.cpsr.org>
9. Hintikka M., Hintikka J. *How Can Language be Sexist? // Discovering Reality: Feminist Perspectives in Epistemology, Metaphysics, Methodology, and the Philosophy of Science*. Eds. S. Harding and M.B. Hintikka. Dordrecht, 1983.
10. Hornsby J. *Disempowered Speech // Feminist Perspectives, Philosophical Topics*. 23-2. 1996. P. 127-147.
11. Hornsby J. *Feminism in Philosophy of Language: Communicative Speech Acts // The Cambridge Companion to Feminism in Philosophy*. Ed. by M. Fricker and J. Hornsby. Cambridge, 2000. P. 87-106.
12. Kirkup G. *The Social Construction of Computers: Hammers or Harpsichords? // Inventing Women: Science, Technology, and Gender*. Eds. Kirkup; Keller. Cambridge, 1992. P. 267-281.
13. Korsmeyer C. *The Hidden Joke, Generic Uses of Masculine Terminology // Sexist Language: A Modern philosophical Analysis*. Ed. Mary Vetterling-Braggin. New Jersey, 1981. P. 31-116.
14. *The Adoring Audience: Fan Culture and Popular Media*. Ed. Lewis L.A. New York; London, 1992.
15. MacDonald A. *Uncertain Utopia: Science Fiction Media Fandom & Computer Mediated Communication // Theorizing Fandom: Fans, Subculture, and Identity*. Eds. Cheryl Harris and Alison Alexander. Cresskill, NJ, 1998.
16. MacKinnon C. *Feminism Unmodified: Discourses on Life and Law*. Cambridge, Ma., 1987.
17. McLelland M.J. *The World of Yaoi: The Internet, Censorship and the Global "Boys' Love" Fandom // The Australian Feminist Law Journal*. 2005. 23. P. 61-77. URL: <http://ro.uow.edu.au>
18. Moulton J. *The Myth of the Neutral "Man" // Feminism and Philosophy*. Ed. Frederick A. Elliston and Jane English. Totowa, NJ, 1971. P. 124-153.
19. Savicki V. *Gender Language Style and Group Composition in Internet Discussion Groups*. URL: <http://jcmc.huji.ac.il/vol2/issue3/savicki.html>
20. Tannen D. *You Just Don't Understand*. New York, 1990.
21. Turkle S., Seymour P. *Epistemological Pluralism: Style and Voices Within the Computer Culture // Signs*. 1990. Vol. 16, n.1. P. 128-157.
22. Vetterling-Braggin M. Ed. *Sexist Language: A Modern Philosophical Analysis*. New Jersey, 1981.
23. Violi P. *Gender Subjectivity and Language // Beyond Equality and Difference: Citizenship, Feminist Politics and Female Subjectivity*. Eds. Gisela Bock and Susan James. London, 1992. P. 164-176.

Поступила в редакцию 16.02.11

O.N. Shuvalova, M.Yu. Sidorova

Constructed languages as gender experiments

The authors analyze two constructed languages created by female constructors for invented feminist worlds. Feminist constructed languages are discussed as gender experiments. The role of such projects in modern rethinking of gender is examined.

Keywords: feminism, gender, constructed languages, Internet, Elgin.

Сидорова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д.1, стр.51, 1-й учебный корпус,
E-mail: sidorovadoma@mail.ru

Шувалова Оксана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д.1, стр.51, 1-й учебный корпус,
E-mail: russslang@philol.msu.ru

Sidorova M.Yu., doctor of philology, professor
Moscow State University
119991, Russia, Moscow, GSP-1, 1-51 Leninskie Gory, 1 Humanities Building.
E-mail: sidorovadoma@mail.ru

Shuvalova O.N., candidate of philology, associate professor
Moscow State University
119991, Russia, Moscow, GSP-1, 1-51 Leninskie Gory, 1 Humanities Building.
E-mail: russslang@philol.msu.ru